

Вскоре после выхода в свет романа «Одиночество» (1935 г.) Николай Вирту пригласил В. И. Немирович-Данченко и предложил написать по мотивам книги пьесу для Художественного театра. В начале 1937 года работа над пьесой «Земля» была закончена; автор посвятил ее Вс. Вишневскому.

Создатели спектакля, приуроченного к 20-летию Октября, сумели показать не только исторические события, но и изменения в сознании крестьянства, вызванные социалистической революцией.

Характерно, что в свое время именно впечатления от спектаклей МХАТ побудили Вирту к созданию «Одиночества». «Сел за работу над романом, — признавался он, — после того, как попал впервые в Московский Художественный театр».

Как известно, в основу романа легли действительные события. «Тринадцатилетним мальчишкой я жил в центре кулацко-эсеровского мятежа, в Тамбовской губернии, недалеко от «столыцы» Антонова — села Каменки. Персонажи романа — мои односельчане из села Большая Лазовка. В книге оно названо Двориками», — писал автор.

Одно из главных действующих лиц романа и пьесы — Петр Сторожев. Это образ обобщенный, фигура немалого масштаба. Он против самодержавия, потому что оно не дает землю и власть мужику, но и против Советской власти, пресекающей его собственные устремления.

С романом «Одиночество» тематически связан следующий роман Вирты — «Закономерность». Здесь писатель воссоздал атмосферу 20-х годов, накал социально-политической борьбы, идеинных спо-

ров. В центре повествования — молодежь из буржуазно-дворянских семей, ее гражданское становление, нелегкий, но исторически закономерный переход в лагерь строителей социализма, в армию создателей. Встречается здесь читатель и со Сторожевым.

«Первый и второй романы, — писал Вирта, — есть в сущности продолжение какой-то предыдущей, очень, очень важной истории, именно в ней глубоко скрыты корни человеческих уже изображенных мною судеб».

Поэтому Вирта обращается далее к предыстории возникновения человеческих типов, к предыстории конфликтов, им уже очерченных. Так рождается роман «Вечерний звон». Вирта показывает, как неотвратно рушатся патриархальные представления, расщивается деревня, превращая односельчан и родственников в злейших врагов.

Трилогия — главное произведение Вирты, хотя написано им многое и помимо нее. Но это его родной край, его юность, его искания, мечты. Автору дороги герой его книг и люди, послужившие прототипами художественных образов.

В последние годы Вирта, вернувшись к судьбе героев трилогии, закончил первую книгу нового романа «Закономерность одиночества». Но высокая требовательность, чувство ответственности перед современниками заставили его отвергнуть написанное. И начать все заново. Книга представлялась писателю как широкая панорама жизни, общении прежде всего собственного жизненного опыта, наблюдений, раздумий. Уже тяжело больной, Вирта составил план переработки романа. Дневник писателя полон крат-

ких, но емких заметок. Однако осуществить замысел он не успел.

В связи с 70-летием со дня рождения Н. Е. Вирты мы публикуем пролог к этой незаконченной книге. Он возвращает нас ко времени постановки «Земли» в Художественном театре, когда произошла неожиданная для самого автора встреча с его геем...

Это июньское утро выдалось ясным и прохладным; ночью пролил сильный дождь, и наш грузовик, мешая грязь, еле полз по болоту, превратившемуся в широченное болото, которое тянулось до горизонта.

Пассажиров, включая меня и шофера, было шестеро.

Один из нас был режиссер Московского Художественного театра Николай Михайлович Горчаков. Ученик знаменитых его создателей Станиславского и Немировича-Данченко, он принимал участие в постановке нескольких спектаклей, имевших шумный успех.

Целью этой своеобразной

экспедиции было село Дворики, на юге Тамбовской области. Идея поездки родилась сама собой и отвечала традициям театра: исторические или бытовые детали, относившиеся к эпохе, изображенной в пьесе, подвергались глубокому изучению и тщательному анализу.

Закономерно эта традиция была использована и при постановке моей пьесы «Земля», написанной по мотивам романа «Одиночество».

На обложке книжки значилось, что автор ее Николай Вирта. Лишь моя жена и еще пять-шесть наших друзей знали мою настоящую фамилию.

Среднего роста, поджарый, я тогда казался много моложе моих тридцати лет, чему способствовал и румянец на щеках — след сельской жизни.

Очень тяжелые условия этой жизни с юных лет воспитали во мне редкую работоспособность и полную отдачу себя любому делу, которое я начинал: касалось ли это сочинительства или какой-нибудь работы по домашнему обиходу. И это качество сохранилось и теперь, когда мне под семьдесят.

Я мог писать по двенадцати и больше часов в день, иногда просыпался чуть свет и садился к письменному столу.

Еще два года назад меня знали в небольшом кругу приятелей и в немногочисленном коллективе центральной профсоюзной газеты «Труд», где я после шестилетнего странствия по разным городам и редакциям нашел работу, не слишком обременявшую. Свободного времени было хоть отбавляй, что очень ме-

ня устраивало: тайно от всех я писал роман!

Член редакционной коллегии «Знамени», куда я, надеясь, главным образом, на чудо, отнес книгу, Всеволод Вишневский роман прочитал, вызвал меня, вернул рукопись и приложенные к ней замечания. Это были дельные советы, многие из них углубляли психологические линии романа: я принял их безоговорочно.

Роман был напечатан в журнале «Знамя» осенью 1935 года. Речь в нем шла об антивоетском мятеже в Тамбовской губернии в годы 1920—1921. По ряду обстоятельств я оказался свидетелем тех событий. Однако не в описании самого мятежа заключалась, так сказать, соль повествования. Всех описанных людей крестьянского мира я знал лично и, рассказывая об их судьбе, не счит нужным менять имена и фамилии.

И вот автор получает приглашение одного из маститых руководителей МХАТа, который предлагает написать по мотивам романа пьесу. В беседах с Вл. Ив. Немировичем-Данченко, с постановщиком пьесы Л. М. Леонидовым и Горчаковым родилось сценическое решение пьесы, шедшей потом на сцене без особых изменений. Желая создать спектакль жизненно правдивый, МХАТ устроил описываемую мною поездку в места, где происходили события тех далеких лет.

До районного центра оставалось еще три-четыре километра, когда машину нагнал верховой — им оказал-

ся начальник районного отделения милиции.

Узнав, кто пассажиры грузовика и зачем они едут в район, начальник сказал, что два дня назад сюда явился Сторожев, работавший, оказывается, на конном заводе на севере области...

Мало сказать, что мои спутники были потрясены этим сообщением... Если для меня Сторожев был человеком вполне реальным, нашим соседом, описанным мною в романе, для них же лишь литературным образом. И кроме того... Все они читали «Одиночество», и всем, несомненно, запомнилась заключительная глава этого повествования, когда, сдавшись в плен (после разгрома мятежа), Сторожев, запертый в амбаре и ожидающий расстрела, вдруг понял, что он хочет, он должен жить. Ударом ножа в спину он срвал часового, схватил его винтовку... И исчез в ночном мраке.

И вот мои спутники не только услышали о нем. Он предстал перед нами... Явился из ночного мрака...

Все это произошло через шестнадцать лет после того, как я видел Сторожева в Двориках в последний раз. Но в те годы не было писателя Вирты, а был пятнадцатилетний парнишка, сын сельского священника, и звали его Коля Карельский.

...Сложную и неоднозначную судьбу Петра Сторожева, приведшую к его возвращению в родные места в конце 30-х годов (в романе «Закономерность» она лишь художественно предугадана), Н. Вирта, основываясь на документах, предполагал осветить в своем последнем романе.

Публикацию подготовила
К. СТРАТИЛАТОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

22 ДЕК 1976